

Такой след от пламени Линь Цинбай уже однажды видел.

На затылке Императора демонов Янь Цюсы красовалось точно такое же клеймо.

Каждое поколение правителей расы демонов при восхождении на престол проходило через очищение священным огнем. И точно так же, когда Император демонов брал демоническую тварь к себе на службу, на теле существа появлялся этот знак. Теперь же такой же символ проявился у маленького щенка.

Си Ань наклонился, разглядывая место, на которое указывал учитель.

— Учитель, что с ним не так? — спросил он.

Линь Цинбай не знал, как объяснить свои подозрения. Помедлив, он произнес:

— Это... его окрас? Довольно странный.

Си Ань, кажется, тоже нашел это любопытным. Он положил щенка на сиденье, а другой рукой провел по пучку красной шерсти у него на груди. Спустя мгновение он рассмеялся, поднял голову и, протянув руку, показал Линь Цинбаю:

— Учитель, смотрите, это просто кровь на шерсти щенка.

Во-первых, Си Ань был еще слишком мал, а чрезмерные тренировки могли навредить его здоровью. Впрочем, это было не так уж важно.

— Если хочешь оставить его — оставляй.

Получив разрешение, Си Ань пришел в полный восторг.

На этом моменте...

Щеки Си Аня от возмущения раздулись.

— Сезон лесной малины давно прошел, что ты делал на задних склонах горы в такой час? — после перепалки гнев Линь Цинбая поутих, и он спросил уже спокойнее.

Линь Цинбай снова взглянул на щенка — как и ожидалось, клеймо на его шерсти исчезло.

— Он пришел с мечом и хотел вызвать меня на дуэль, но у меня не было оружия. Я и подумал, что сегодня ночью схожу в горы, поищу подходящую ветку, чтобы сделать деревянный меч. Если я смогу победить Цинь Сяоу, он больше не посмеет смотреть на меня свысока.

Когда-то давно предки расы демонов вели бесконечные войны, опираясь прежде всего на силу демонических тварей. Но видов этих тварей было великое множество: одни отличались исполинскими размерами, другие могли передвигаться только в воде, что крайне затрудняло

дальние переходы. Тогда предки наложили на демоническую кровь особое заклятие.

С того самого дня, как он увидел ту тварь, он стал словно натянутая струна, готовая лопнуть в любую секунду.

Заметив, что Линь Цинбай поморщился от боли, Си Ань тут же положил руку на его голень и тихо прошептал:

— Учитель, я не нарочно.

Видя, что Линь Цинбай молчит, Си Ань снова взял щенка на руки. Человек и пес, две пары черных блестящих глаз неотрывно смотрели на учителя.

Линь Цинбай хранил молчание.

Он поморщился от боли и тихо выдохнул.

Подумать только, какое нелепое предположение — как у обычного уличного щенка из мира смертных может быть печать Императора демонов?

Щенок, виляя хвостом, тут же бросился к Линь Цинбаю, желая прижаться к нему, но из-за своей неуклюжести с размаху врезался учителю в колено.

К тому же, хотя демонические твари и были сильны, они нуждались в постоянной подпитке Демонической энергией. Теперь, когда тварь оказалась в мире смертных — вдали от мира демонов и самого Императора, — вскоре ее собственная энергия иссякнет, и она погибнет.

Хотя, с другой стороны, само появление демонической твари в мире людей могло быть случайностью.

Рядом снова засуетился белый щенок, с восторгом прыгая на Си Аня. Тот мягко отстранял его рукой, продолжая массировать ногу учителя.

Причина была лишь в двух вещах.

— Почему ты так хочешь стать великим генералом?

В прошлой жизни Линь Цинбай слишком часто бывал на полях сражений и видел, сколько людей пало от мечей.

Размышляя об этом, он прикрыл глаза и выдохнул.

Этот Сяобай — определенно демоническая тварь.

Линь Цинбай не понял, к чему это было сказано, и коротко кивнул, побуждая его продолжать.

Драки и возня между мальчишками были обычным делом, но Линь Цинбай знал, что Си Ань давно мечтал изучать боевые искусства.

Глаза Си Аня ярко вспыхнули:

— Учитель, я хочу стать великим генералом!

— Можно мне оставить его, учитель? — снова спросил Си Ань.

Линь Цинбай тихо спросил:

— Ань-эр, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

В темноте глаза Си Аня казались особенно яркими. Он повернулся к щенку и прошептал:

— Тогда назовем его Сяобай.

Наверное, ему просто показалось.

Улыбка Си Аня мгновенно погасла. Он нахмурился, немного подумал и, не меняясь в лице, ответил:

— Учитель, вчера младший господин из дома Цинь хвастался своим новым мечом...

Мальчишки шести-семи лет — это возраст, когда им трудно усидеть на месте. Они не хотят учиться, а лишь завидуют тем, кто скачет на конях, носит мечи и мастерски владеет боевыми искусствами. Си Ань уже несколько раз осторожно заговаривал об этом с Линь Цинбаем, но каждый раз получал отказ.

Сам Линь Цинбай мог быть бесстрашным, но в отношении Си Аня он проявлял эгоизм — он не хотел, чтобы его маленький ученик проходил через подобные опасности.

Си Ань поднял голову:

— Учитель, пусть его зовут Сяобай, хорошо?

Затем Си Ань сел рядом с ним, опустив голову, и свободной от травмы рукой принялся разминать голень Линь Цинбая.

Дети называют вещи просто: белая шерсть — значит Сяобай.

Стоило демонической твари испить демонической крови, как она автоматически признавала хозяина и могла по его воле принимать любой облик.

Во-вторых, путь воина опаснее, чем путь ученого.

Линь Цинбай невольно улыбнулся:

— Как знаешь.

Си Ань оказался в мире смертных, лишившись Дэвной Силы — у него осталась лишь кровь расы демонов.

— Стать генералом — это так величественно! Когда вы водили меня смотреть, как генерал Чу возвращался в Столицу, он был в сверкающих доспехах, сидел на огромном коне, а за ним шли бесчисленные солдаты, и простые люди бросали ему цветы. Он — настоящий герой, и я хочу быть таким же, как он.

Си Ань размахивал руками от возбуждения, едва не подпрыгнув. Линь Цинбай положил руку ему на плечо и холодно посмотрел на него:

— Только поэтому?

— Ну... не совсем, — Си Ань почесал затылок и замялся. — Когда я вырасту, я хочу защищать учителя. Если я буду искусным бойцом и стану великим генералом, я обязательно смогу защитить учителя...

Линь Цинбай опустил глаза и вновь надолго замолчал.

Спустя какое-то время он поднял взгляд и равнодушно произнес:

— Если ты этого хочешь, я позволю. Завтра начнешь тренировки.

Не дожидаясь ответа ошеломленного Си Аня, Линь Цинбай отвернулся — он сказал это так буднично, словно пообещал ребенку яблоко.

— Правда, учитель?!

Линь Цинбай не ответил, он смотрел в окно:

— Колено.

Си Ань тут же переместил ладони на колено Линь Цинбая и принялся массировать с самым послушным видом.

— Учитель, здесь болит?

— Да.

Получив указание, Си Ань снова опустил голову и с удвоенным усердием принялся за дело.

Линь Цинбай некоторое время наблюдал за ним, и уголки его губ сами собой поползли вверх.

—

Восемь лет спустя.

Восьмой год правления Куанъюань, шестой день первого месяца.

Новогодние праздники — самое шумное время в Столице. На улицах не смолкал треск петард, танцы драконов и львов заполняли рыночные площади.

Шестой день первого месяца был днем рождения Си Аня, которому исполнилось четырнадцать лет.

Линь Цинбай не любил шум Столицы, поэтому рано утром, в шестой день месяца, он отправился со всей свитой из резиденции в храм.

Си Ань с детства рос сиротой: он не помнил ни своего имени, ни даты своего рождения. Поэтому днем его рождения посчитали тот день, когда Линь Цинбай привел его домой.

Карета резиденции вана остановилась у подножия горы.

Восемь лет назад именно здесь Линь Цинбай подобрал Си Аня.

В то время Линь Цинбай только прибыл в мир смертных и застал страшный голод. Стояла лютая зима, толпы беженцев хлынули в императорскую столицу, устремившись к храму в надежде на милость Будды.

Линь Цинбай, сам едва оправившись от болезни, распорядился раздавать еду снаружи, когда заметил, как несколько детей затеяли драку.

Валил густой снег, и старшие мальчишки пинали ногами ребенка, не скупясь на удары, крича при этом:

— Вор! Получай за то, что крадешь!

— Ты заслуживаешь того, чтобы сдохнуть с голоду!

— Тьфу!

Мальчик в лохмотьях сжался в снегу, молча принимая удары. Его худые плечи дрожали, и казалось, что его вот-вот забьют до смерти.

Линь Цинбай не любил вмешиваться в чужие дела, поэтому велел служанке разобраться, а сам продолжил наблюдать за происходящим из-за пелены снегопада.

Служанка прогнала хулиганов и спросила ребенка:

— Они говорят, что ты украл еду. Что именно ты украл?

Ребенок был одет так легко, что губы его посинели от холода, и он даже не мог вымолвить ни слова. Он лишь дрожащими руками достал из-за пазухи половинку грязного парового хлебца. Даже сейчас он берег его, как величайшую драгоценность, и испуганно озирался вокруг, боясь, что еду снова отнимут.

Линь Цинбай не смог остаться равнодушным и велел слугам принести мальчику теплую одежду и свежие мясные булочки.

Кто бы мог подумать, что ребенок, получив еду, не станет жадно набрасываться на нее, как другие беженцы, и не упадет на колени, моля о большем.

Он просто повернул голову и сквозь толпу людей на дороге посмотрел на Линь Цинбая.

Линь Цинбай стоял под крышей храмовых ворот, укрываясь от снега. Расстояние было большим, снег шел стеной, и он совершенно не ожидал, что мальчик посмотрит именно на него.

Он равнодушно отвел взгляд, раскрыл бумажный зонт и, сойдя с лестницы, собрался уходить.

Но мальчик последовал за ним.

Линь Цинбай шел, а ребенок неотступно следовал за ним на небольшом расстоянии.

Когда Линь Цинбай обернулся, мальчик стоял совсем рядом.

Он был бос, ноги от мороза распухли и посинели, лицо было так изуродовано побоями, что трудно было что-то разглядеть, но в его глазах, черных и ослепительно ярких, застыла мольба.

Линь Цинбай тихо вздохнул:

— Снаружи сильный снег. Иди сюда.

Глаза ребенка вспыхнули, и он тут же подбежал к Линь Цинбаю.

Тот наклонил зонт в сторону мальчика и смахнул снег с его плеч.

Позже Линь Цинбай забрал ребенка к себе, сделал своим учеником и дал имя — Си Ань.

В надежде на то, что тот проживет свою жизнь в мире и безопасности.

Прошлой ночью выпал снег, и дорога была устлана пышным белым ковром.

Линь Цинбай в белых матерчатых сапогах шел по снегу, слушая, как тот похрустывает под ногами, погружившись в свои мысли.

Он спросил сопровождавшую его Хун Юэ:

— Как давно Си Ань не возвращался домой?

Хун Юэ подсчитала:

— Уже два месяца, Ванье.

Линь Цинбай опустил глаза:

— А сегодня он придет?

Хун Юэ внимательно посмотрела на лицо Линь Цинбая и ответила:

— Ваше Высочество, господин Си Ань передал, что в последнее время очень занят и вряд ли сможет приехать.

Линь Цинбай помрачнел. Он молча сделал еще несколько шагов, внезапно дернул рукавом и холодно произнес:

— Не придет так не придет! Сегодня его день рождения, если он не явится, меньше будет хлопот с украшением храма.

Хотя слова были сказаны с досадой, в полдень Линь Цинбай все равно сидел за столом, ожидая.

В храме нельзя было подавать мясо или рыбу, но Линь Цинбай заранее распорядился приготовить изысканные постные блюда — все, что так любил Си Ань.

Линь Цинбай не притрагивался к еде, и слуги, стоявшие рядом, не смели его поторопить. Глядя на накрытый стол в одиночестве, он поймал себя на горькой мысли, что дети, вырастая, перестают возвращаться домой.

Аппетита не было, и за обедом он съел лишь пару кусочков.

К ужину Линь Цинбай снова сел за стол, но долго не брал палочки, а его лицо стало еще мрачнее, чем днем.

Теперь слуги не то что говорить, даже дышать боялись.

Когда солнце за окном начало садиться, Линь Цинбай наконец произнес:

— Хун Юэ.

Та вздрогнула и поспешно ответила:

— Я здесь, Ваше Высочество.

— Чем Си Ань занимается каждый день?

Откуда Хун Юэ было знать о делах господина Си Аня? Она испуганно пробормотала:

— Господин... каждый день усердно тренируется, чтобы не разочаровать вас.

Линь Цинбай долго молчал. Наконец, опустив глаза, он взял палочки и начал есть.

Но едва Хун Юэ вздохнула с облегчением, как Линь Цинбай с грохотом бросил посуду на стол.

Служанка расширила глаза от испуга.

Линь Цинбай с помрачневшим лицом поднялся из-за стола и, не говоря ни слова, широкими шагами вышел из зала. Двери за ним с шумом захлопнулись.

Внутри воцарилась тишина. Слуги переглядывались, не смея пошевелиться.

Хун Юэ пришла в себя и поспешила следом.

Выйдя наружу, она увидела Линь Цинбая, который стоял в галерее, заложив руки за спину. Его фигура казалась болезненно худой, полы халата развевались на ветру, а взгляд был устремлен в сторону ворот — в нем читалось столько одиночества.

Хун Юэ стояла в стороне, ломая голову, что бы такое сказать, чтобы уговорить господина поесть.

В этот момент со стороны ворот раздалось знакомое ржание коня.

Она увидела, как Линь Цинбай замер, а ледяное выражение его лица вмиг оттаяло.

Он сделал пару шагов к выходу, но тут же остановился, счел это неуместным и замер на месте в ожидании.

Вскоре во двор вошел статный юноша.

Высокий, в синем халате, с лицом, подобным нефриту, и серебряным ободком на голове, из-под которого развевался длинный хвост волос. На поясе у него висел сине-белый меч.

Его черные глаза, подобные звездам в ночи, вспыхнули, как только он увидел Линь Цинбая, и он широкими шагами направился к нему.

— Учитель, я опоздал.

<http://bllate.org/book/22078/2295872>